Текст · 10 сентября 2022, 12:59
Андреа Стэнли,

«Прямо в момент прыжка понимаешь — под тобой костер… И сразу не так страшно». Репортаж Atlantic из детского летнего лагеря в Украине

Корреспондент журнала *Atlantic* Андреа Стэнли побывала в лагере «Строкаті Єноти» («Пестрые Еноты») в Карпатах, куда на десять летних дней съехались дети со всей Украины — от Львова до Славянска и Краматорска. «Медиазона» перевела ее зарисовки летней жизни во время войны.

Летний лагерь — это как Нетландия, территория вечного детства, которая существует только в воспоминаниях: вот ты купаешься в озере, лазаешь по деревьям, делишься секретиками, ловишь лягушек… Когда я стояла на платформе во Львове, окруженная подростками, которые собирались в лагерь в Карпатах, все эти радости жизни казались абсолютно, до смешного недосягаемыми.

Начать с того, что поезд опаздывал. А вскоре после того, как нам об этом сообщили, завыла сирена воздушной тревоги, начав гнетущий, так хорошо знакомый местным жителям отсчет. Ракета может прилететь уже через 20 минут после первого сигнала.

Дарья, шестнадцатилетка с брекетами, показала мне видео, на котором в воздухе сбивают ракету. Оно было снято утром, всего за несколько минут до нашей встречи, в ее родном городе Днепре. (В

этой статье все дети будут названы только по именам, без фамилий, из соображений безопасности и конфиденциальности.) Дарья рассказала мне, что мечтала попасть в лагерь «Строкаті Єноти», то есть «Пестрые Еноты». Потому что там безопаснее. Но она беспокоилась и о семье, которая осталась в Днепре. Как только — с опозданием на час — поезд все-таки приехал, вместе с компанией подростков она бросилась к дверям. Она не смотрела ни назад, ни вверх, только прямо — на своих друзей, как и должно быть.

* * *

Вскоре после того, как Россия напала на Украину, сотрудники «Пестрых Енотов» приняли решение: этим летом лагерь будет. Иначе невозможно. Руководитель лагеря Анатолий Стелига говорит, что для него было очень важно «сохранить детство» для самых юных соотечественников. По оценкам ЮНИСЕФ, к началу июня свои дома, школы, а иногда и семьи покинули две трети всех украинских детей. Сотни детей были ранены или убиты.

Идея, что такое мероприятие посреди войны может как-то «спасти детство», на первый взгляд кажется смешной или даже нелепой. Война никого не обходит стороной — и уж точно не безвинных детей. И тем не менее почему-то кажется, что «Пестрые Еноты» шли к этой точке с самого момента основания в 2016 году. Целью лагеря всегда было помочь детям найти вдохновение и источник силы в природе, завести настоящих друзей, научиться ответственности и гордости за свою страну.

По словам Стелиги, у лагеря в этом году была еще одна, особенно важная задача — дать детям возможность физически и морально отстраниться от войны. Насколько это вообще возможно. По его словам, раньше родители спрашивали, смогут ли они звонить детям по телефону. Этим летом их волновало, есть ли на территории лагеря бомбоубежище.

Его нет. И сирен воздушной тревоги тоже нет. «Сегодня в Украине безопасных мест не существует, — говорит Стелига. — Ракета может достать тебя где угодно». И все же лагерь, укрывшийся за горами на западной границе Украины, недалеко от Румынии, можно считать относительно спокойным местом, он далеко от активных боев.

Некоторые дети сомневались, стоит ли им ехать — насколько этично прятаться от войны, когда другие этого сделать не могут. 16-летняя София из пригорода Киева чувствует себя виноватой, когда веселится — «потому что люди борются, они страдают». «Но потом я поговорила со своей учительницей, — рассказывает девочка. — Она сказала: "Они борются, чтобы остальные могли жить счастливой и полной жизнью. Они борются за независимость. За радость. Ты можешь наслаждаться жизнью. Ровно за это мы и воюем"». И София решила, что поедет — чтобы почтить эту борьбу.

Территория лагеря очень симпатичная: деревянные домики в горной долине, сосны, фантастические виды. Куча мест, чтобы побродить. Есть чистый ручей с ледяной водой, от которой я покрылась мурашками — идеально, чтоб окунать ноги. Холмы для походов,

крутые уступы с тарзанкой, зеленые поля, где можно устраивать занятия по танцам и красить ткани. Перед домиками есть баскетбольная корзина и волейбольная площадка, а позади — сарайчик, идеально подходящий для занятий кузнечным делом. Там участники лагеря плавят металл и делают скобы. Волонтеры потом отвезут их украинским солдатам, чтобы те использовали их при строительстве блиндажей. Всего этим летом в лагере пять смен по десять дней, для детей от 12 до 18 лет. Я приехала на первую, в начале июля.

«Ежи», изготовленные в кузнице лагеря в марте 2022 года. Фото: @-strokatienoty / Instagram

В первый же день в лагере я столкнулась с Анатолием Стелигой. На голове у него кепка козырьком назад, на шее — оранжевый свисток. По его словам, больше всего он рад, что все дети добрались целыми и невредимыми. Кроме тех, с кем я ехала из Львова, большая группа прибыла на поезде из Киева, в том числе ребята из прифронтовых городов — Краматорска, Славянска, Запорожья.

«Я, конечно, чувствую огромную ответственность. Если что-то случится, разбираться с этим придется мне, — говорит Стелига. — Все поменялось из-за войны». Например, он обещал оставить детей в лагере, если русские оккупируют их родной город (за лето ничего такого не случилось). Его положение тоже может резко измениться. Этому высокому мужчине с татуировками, тренеру по смешанным

единоборствам, мужу и отцу маленького ребенка, всего 29. А значит, его могут призвать. Некоторые вожатые прошлых лет сейчас в армии, в том числе основатель «Енотов».

Но пока все спокойно. Стелига читает новости каждый день, утром и вечером. Но в промежутке он решает чудесные в своей легкости проблемы. Один мальчик забыл ботинки. У другого температура. «Пустяки, — говорит Стелига, широко улыбаясь. — Мы живы... Хороший день!».

* * *

Дни заполнены самыми разнообразными занятиями. Утром на стену столовой приклеивают распечатку с расписанием: уроки стендапа, танцев, плавание на плоту, плетение фенечек и «ловцов снов», лепка, рисование комиксов.

Как-то я увидела девочку с длинными светлыми волосами, летящую на тарзанке: ноги поджаты, спина выгнута, как у воздушной гимнастки, рубашка с подсолнухами трепещет на ветру. «Хотела почувствовать адреналин», — объяснила она.

В свободное от занятий время дети валяются на лужайке, делают селфи, передают друг другу записочки. Девочка в больших круглых очках перевела для меня одну такую записку, которую недавно получила от тайного воздыхателя: «Как ты? Скоро увидимся, и, кстати, ты очень красивая».

Занятие по рисованию в лагере. Фото: @strokatienoty / Instagram

Вечерами компания подростков часто собирается вокруг кровати Дарьи. Комната — как положено в детском лагере: липкие банки из-под колы, паутина из проводов от зарядок, флакончики с тушью и блеском для губ, чья-то зубная паста, которой теперь пользуются все.

Разговор перетекает от «Очень странных дел» и стихов к сюжету «451 градуса по Фаренгейту»...

— У нас один человек в отряде слушает русские песни, — говорит Милана, 14-летняя девочка из пригорода Киева, ее отец на фронте. — Это, конечно, никому не нравится. Это проблема.

— И честно говоря, наша музыка гораздо круче, — соглашается Свят, темноволосый мальчик, тоже из Киева.

Дарья кивает.

— Мы объясняли по-хорошему, что слушать музыку агрессора так себе идея, — говорит Милана. Но в итоге любитель русских песен остался при своем мнении. Остальные немного поворчали по этому поводу, а потом сменили тему.

Они мечтали ровно об этом: быть с друзьями, подальше от родителей и повседневных дел. «Мы

можем проговорить всю ночь напролет», — рассказала мне позже Дарья.

Но вот в одиннадцать прозвучал отбой, все напялили кроксы и разошлись в темноте по своим комнатам перед проверкой кроватей. Пропустишь отбой — с утра придется отжиматься и приседать. Когда я шла к себе по длинному темному коридору, в одной из комнат замерцал голубой свет — я увидела силуэт девочки с телефоном в руке. Пришло сообщение от отца, который был *где-то там*, воевал: «Спокойной ночи. Люблю».

* * *

Странно было бы думать, что в стране, где идет война, можно перенестись в летний лагерь и волшебным образом обо всем забыть. Яркой иллюстрацией стал один дождливый день, примерно в середине смены. Дети собрались в одном из домиков смотреть кино. Это была документалка о российском вторжении в Украину в 2014 году.

Дети смотрели кино, сидя на полу с мягким покрытием, по двое, по трое, по одному. Некоторые плакали или ругались, некоторые стоически молчали. Кто-то поднялся, чтобы уйти. Когда я позже увидела их на улице, одна из девочек, всхлипывая, сказала мне, что волноваться не нужно, что она сейчас успокоится. *Я больше... не буду... плакать.* Но она продолжала плакать. И плакала еще долго.

Как объяснили мне сотрудники лагеря, фильм решили показать, чтобы дети понимали: на эти темы можно разговаривать, они не одиноки в своих

переживаниях, не надо их скрывать. Во время фильма можно было выйти, если стало совсем тяжело, и многие так и делали. Но многие досмотрели до конца.

Сеанс связи с вожатыми, которые летом были на фронте. Фото: @-strokatienoty / Instagram

«Решиться на показ фильма было непросто», — говорит Александра Чень, специалист по детской травме, которая работала с ООН. Но, по ее словам, показ мог быть полезен. В лагере собрались дети постарше, а вожатые были готовы к непростым разговорам: «Это помогает им осмыслять происходящее, потому что они чувствуют себя в безопасности».

После фильма детей разбили на небольшие группы, чтобы они поговорили об увиденном. На обсуждении, где я побывала, дети говорили по очереди, передавая друг другу свечку. Разговор шел в основном на украинском. Каждый начинал с описания своих чувств в двух-трех словах. *Мне немного грустно. Мне хорошо. Я расстроен. Я устала. Мне уютно.* Одна девочка начала плакать, слезы текли у нее по щекам, и остальные дети принялись обнимать ее, чтобы утешить.

Это был не единственный раз, когда участники лагеря говорили о своем опыте, но остальные разговоры не были такими организованными. На следующий день многие дети, которые после фильма выглядели расстроенными, хохотали со своими друзьями за завтраком в столовой. Но война напоминала о себе постоянно. Я услышала рассказы о домах в огне и об убитых людях на улицах, о раненом в бою отце, о ракетах, разорвавшихся в воздухе. О друге, чей дом разбомбили, о друге, который не пережил атаки на Мариуполь. Все это напоминало о том, что, каким бы далеким ни казался фронт в этом идиллическом пейзаже, на самом деле война была близко. Сотрудники лагеря в основном помогали детям об этом говорить, но иногда и сами коротко делились своими переживаниями. Неслышное поле битвы — в каждом, кто здесь был.

«Совсем скоро они вернутся к другой жизни, — рассказывает психолог лагеря Марина Липич. — Я говорю с ними обо всем этом. О том, что происходит, о новостях, о войне».

* * *

День Ивана Купалы пришелся на конец смены.
В воздухе чувствовалась какая-то особая энергия.
Традиционные ритуалы со временем меняются, но главного — прыжков через костер — ждали все.

К восьми вечера все начали собираться на улице. Многие — в разноцветных вышиванках и с венками на голове. В поле зажгли костер. Принесли бутерброды с вареньем и горячий фруктовый чай. Было ощущение, что мы перенеслись в какое-то другое место и время.

Из колонки доносилась «Стефания» группы *Kalush Orchestra*, и все невероятно слаженно танцевали под нее, подпевая:

Ломаними дорогами
Прийду я завжди до тебе...
Я не мала дитина,
вона дал\нерви тратить...

Дети прыгают через костер. Фото: @strokatienoty / Instagram

А потом начались прыжки через костер. Дети разбились на пары и прыгали, держась за руки. Марина Липич стояла у костра и улыбалась. «Воспоминания на всю жизнь, — сказала она. — Этот опыт, эти моменты помогут им, когда они будут напуганы или расстроены. Они будут помнить этот костер».

Я разыскала Софию, и она сказала, что уже прыгнула «раз 15»: «Ты бежишь и прыгаешь и прямо в момент прыжка понимаешь — под тобой костер... И сразу не

так страшно. Чувствуешь, что тебе принадлежит весь мир».

У нее был красный маникюр. С начала войны она красила ногти голубым и желтым лаком, но прямо перед лагерем решилась на новый цвет. Позволила себе небольшой кусочек нормальности.

Скоро смена закончится, и дети расстанутся, связанные общим чатом в телеграме и надеждой на следующий раз. Кто-то вернется в свой город или деревню. Чей-то дом за это время опустел. Кто-то станет беженцем и отправится в Австрию или Польшу, а может быть, и в Америку. А кто-то пытается до последнего придумать, как остаться еще на одну смену — не все были готовы уезжать.

Свят хотел съездить в Одессу, пока еще лето (идея, которая совершенно не нравится его матери). Он любит этот город и боится не успеть: «А вдруг завтра всю Украину оккупируют, и я никогда больше не увижу Одессы».

Но до завтра был еще целый день. А ночью был костер. «Я думаю, это самый счастливый момент в моей жизни», — сказал Свят. Есть примета, что если тебе удастся перепрыгнуть через костер, то будешь здоровым, а если прыгнул с кем-то вместе, то потом вы, возможно, поженитесь. Свят и его подруга ждали своей очереди перелететь пламя. «Нам надо загадать желание, — сказал он. — И думать о нем, когда будем прыгать».

«И что ты загадал?» — спросила я.

«Чтобы война кончилась нашей победой, — сказал он. — Ну, погнали. На счет три. Раз, два, три...».

И вот он прыгнул, крепко держа подругу за руку, и как будто полетел. Его лицо светилось. Он улыбался. Нет, смеялся. Пусть все замрет в этой точке. Так выглядит все, чего ты желаешь человеку, расстающемуся с детством: чувство непобедимости, невинности и того, что ты выше всего этого. Чувство, что ты молодой и *живой*.

Автор: Андреа Стэнли

Оригинал: *"Scenes From Ukrainian Summer Camp"*, *The Atlantic, August 30, 2022*

Перевод: Вера Нифлер